

Вадим Ямпольский

*Взамен
утраченного*

Стихотворения

Санкт-Петербург

2012

Ямпольский Вадим Натанович
Я 54 Взамен утраченного. – СПб.: ООО «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2012. – 56 с.

ISBN 978-5-91258-215-8

В оформлении обложки использована фотография работы Натальи Морозовой.

Кустов отряды, эшелоны
деревьев, камни, водоём.
Взгляни на мир одушевлённый,
благословляя всё, что в нём.

Взгляни без страха, сожаленья,
без боли тягостной в груди –
как будто пятый день творенья
ещё недавно позади.

Как будто, помыслов не пряча,
проходишь – весел и влюблён
во всё и вся, и смех от плача
одним мгновеньем отделён.

Взгляни любя, как сын с порога
глядит на старого отца...
И, может быть, увидишь Бога,
не отвернувшего лица.

Хорошо с утра, гремя костями,
встать с постели, чтобы с головой
окунуться в омут со страстями.
Хорошо, что я ещё живой.

Хорошо, что слушаются руки,
бьётся сердце, дышится легко.
Хорошо, что мы живём в разлуке.
А на завтрак — хлеб и молоко.

Хороша осенняя прохлада.
Дождь и ветер... что ж, не привыкать.
Хорошо под шёпот листопада
вспоминать тебя и забывать.

Хорошо, что кончится эпоха,
чтоб другой дорогу уступить.
Хорошо, что без тебя неплохо.
Ничего. Терпимо. Можно жить.

Жизнь сужается до точки,
до невзрачного пятна
на отглаженной сорочке,
приглядишься — не видна.

То, что мыслилось бунтарским,
как тяжёлый револьвер,
стало чем-то канцелярским,
вроде скрепки, например.

Нет вообще вещей важнее,
чем белёсые в огне
облака; и всё нежнее
бродит музыка во мне.

Так, пока шумит развязно,
как чумное, бытиё,
я, прогуливаясь праздно,
просто слушаю её.

Как-то мне уже не верится
в то, что что-нибудь изменится —
шел по парку и грустил.

Чем я хуже? Мог бы чёрствы
есть, и прелесть в Чосере
непрерывно б находил.

И писал бы тихо, столбиком,
попивая виски с тоником
в кабинете... Только вот

жизнь застряла между жалостью,
между страхом и усталостью,
и, наверное, пройдёт

где-то там, в стране заснеженной,
непокорной, необъезженной,
там, где темень и тоска,

где невнятица, распутица,
где от «хочется» до «сбудется»
не хватает пустяка.

Дедушка Саша летал и бомбил врага,
следом за дедом летала с косою карга,
но не могла дотянуться рукой костлявой,
и удивлялась порой, до чего вертлявый.

Впрочем, изношено сердце, и все дела,
старая ведьма однажды своё взяла,
вот он, дедуля, серьёзный такой, на фото,
китель парадный военно-морского флота.

В пыльном шкафу все медали и ордена,
и государству советскому — грош цена,
как оказалось, скользят из усталых рук
сила и слава — и младший боится внук

долгих полётов. Трясётся — посадка, взлёт...
Бабушка часто рассказывает: «Берёт
дед тебя на руки — радуешься, согрет».
В сердце и в памяти смерти, разлуки нет.

Поднадоевший чай в пакете,
и сбитый начисто режим:
о, неужели всё на свете
мы так бездарно прожужжим?

Не вечеря, а вечеринка,
не кровь и плоть — а хлеб, вино,
неспешно кружится чайника
и опускается на дно.

Смотри на разодетых пугал,
читай газеты и в кино
ходи — я тоже жизнь профукал
свою, с твоею заодно.

Запей лоснящиеся суши
чем хочешь, закажи опять...
Кто достучится в наши души?
Кому захочется стучать?

Сказано: «будет», но я не знаю,
точно ли будет *так*,
веки усталые закрываю,
и подступает мрак.

Дело не в том, что покинут силы, —
лопнувшую струну
быстро заменят. Но из могилы
как же я намекну

на продолженье, отвечу, так ли
сладок загробный сон?
Тех, кто сполна отыграл в спектакле,
выпусти на поклон.

Помнишь здание ДК
или школы-интерната?
В сердце копится тоска —
ты не тот, что был когда-то.

И уже не хватит сил
возвратиться к тем истокам,
где когда-то ты носил
счастье в сердце одиноком.

Здесь пройдёт твой Страшный суд,
во дворе с листвою липкой,
исправлять — напрасный труд
то, что не было ошибкой.

Хорошо дышать, любить,
хорошо тому, кто знает:
ничего не может быть
и поэтому бывает.

Разбирает бумажек груду,
извлекает из них мою:
— Вы не нервничайте. — Не буду.
— Вы постоите там. — Постою.

Белоснежный халат отглажен,
замутнён утомлённый взгляд,
и процесс, несомненно, важен
много больше, чем результат.

Милый друг, ты напрасно веришь
в сострадание, надо лишь
осознать, что не пожалеешь
всех скорбящих, не исцелишь

всех болящих. И взятки гладки
с нас со всех, а душа твоя —
одноразовые перчатки.
Кто теперь? Неужели я?

Этот вечер угрюм,
будто день был за что-то наказан,
не бездействует ум,
но заходит за разум.
По дороге бредёшь...
На разбитом асфальте — заплаты,
слякоть рядом и сплошь,
и сограждане злы и поддаты.
Миру рта не зажать,
он не будет ходить по указке,
и с лица не сорвать
опротивевшей маски.
Средь унылых равнин,
меж болот, на холмах и в низинах,
ты повсюду один
и с тоскою бороться не в силах.
Душный плен бытия,
как Египетский, только Синая
нет. И воля твоя,
а не чья-то иная.

В список заносишь, вычёркиваешь из списка,
жизнь — иногда таблетка, порой — ириска,
жизнь — скандалистка, фокусница, а ты
писарь ослепший, глядящий из темноты.

Жизнь — это музыка, нот прирученных стая,
сложная временами, порой — простая,
то затихает, то рвётся из рук, звеня,
ты музыкант, оглохший от шума дня.

Где-то за гранью, где глаз не берёт незрячий,
всё происходит не так, а совсем иначе,
проще, понятнее — счастье в руках твоих,
ноты там сладостней — жаль, не расслышать их.

Кто ты такой? Не видать из твоей квартиры,
как златокудрые ангелы, взявши лиры,
песни поют Всевышнему. Динь-динь-динь.
Вот четверть века минула, как миг один.

Печаль тяжёлой пеленою
завесит очи, заслонит:
ковчег дырявый снится Ною,
и море чёрное шумит
во сне. «Всё кончится хреново», —
он думает. Плывёт треска
вдоль борта. Ной глядит сурово
и крутит пальцем у виска.

Он встанет, сделав потягушки,
водой умоет ледяной
лицо, уйдёт работать. Стружки
кругом, палящий летний зной.
Саднят вчерашние занозы,
рубанок ходит взад-вперёд.
Какой прогноз? Дожди и грозы.
Потоп обещанный грядёт.

Как трудно жить. Не жить нетрудно,
лежи себе на дне, гния,
зато и не просись на судно,
выкрикивая: «Как же я!».
Не сомневайся, всё случилось,
как повествуют письма,
но ничему не научилась
из многих тварей — ни одна.

БЕССОННИЦА

Когда бессонница, когда ты
без сил, когда в душе тоска,
всплывают имена и даты,
грозней, чем римские войска.

Как будто день триумфа в Риме,
и, от побед полупьяны,
гремят доспехами своими
солдаты страха и вины.

Бурлит арена, словно кратер,
из тёмных памяти углов
на свет выходит триумфатор
в сопровожденье смирных львов.

Венок невянущий он носит,
впитавший боль, обиды, тьму,
и всё, чего он ни попросит,
отдашь немедленно ему.

Счастье вряд ли когда-нибудь стонущему бомжу
улыбнётся, не верю, что чувствует по-другому
он. И как ни стараюсь, а смысла не нахожу
в жизни тех, кто за гранью, похожей на бред, на кому.

Ты спешишь отвернуться. Послушай, не будь так строг.
Неужели и вправду веришь в свободу воли?
Мол, бежал недостаточно быстро, вскочить не смог
на подножку трамвая, так я ему нянька, что ли?

Ну, а кто виноват, если, скажем, детдом, дурдом
или дом престарелых? Скажи, неужели сами?
Божий дар — это, кажется, видеть себя вот в том
привокзальном калеке с засохшими волосами.

Я не увижу знаменитой «Федры»...
Мангельштам

Ни виртуоза-Рихтера, к примеру,
я не услышу, ни Марии Каллас,
не попаду на главную премьеру,
шёл за билетом — касса закрывалась.
За что любить компьютерную эру,
в которой нет души, как оказалось?

Мне не бороться с оккупантом-немцем,
меня не встретит «воронок» у входа,
меня не этапируют в Освенцим,
не расстреляют как врага народа,
не будет травли с криками «конец им!»
и страха ледяного — год от года.

А если снова — ссылки, километры
земли промёрзшей, казни, брат на брата?
Я не увидел знаменитой «Федры».
Не самая тяжёлая утрата.

Калибан приникает к экрану,
утомившись таскать и грузить,
и приходят на ум Калибану
мысли что-нибудь преобразить.

Он отыщет в потёмках лекало,
на реальность накинется зло,
как же всё его заколебало —
прямо разум заволокло.

Что им движет, чего же он хочет —
невдомек, но я слышу теперь,
как в душе его громко хохочет
разъярённый затравленный зверь,

заливается: «Вот так потеха!» —
от безумия в шаге одном.
Я от этого дикого смеха
пробуждаюсь в поту ледяном.

ГОСТЬЯ

Не стихая, гудит столица,
люди мечутся — кто куда...
С жизнью можно договориться,
а с сестрой её — никогда,
и бледна, и меланхолична,
и всегда на вторых ролях —
но отказывать неприлично
заявившейся второпях.
Пусть дурнушка — движенья ловки,
только ахнешь — уже в тисках,
без прелюдий, без подготовки.
Тяжесть в мышцах и боль в висках.
Только бледную руку гладишь,
только кротко в глаза глядишь.
И никак её не спровадишь,
нипочём не уговоришь.

Почему природа так сурова?
Птичий грипп, теперь ещё свиной.
«Пандемия» — Боже, что за слово!
Эскулапы брызгают слюной!
Холодна и беспощадна фраза:
нет вакцины. И, того гляди,
пол-планеты выкосит зараза:
жар, потливость, насморк, боль в груди.

Не жалея, не жалуйся плаксиво
и тоске не поддавайся впредь:
можно, я уверен, жить красиво,
но нельзя красиво умереть.
Кто бежит, кто ходит еле-еле,
кто трясётся, палку обхватив.
Кто в чужой, кто в собственной постели...
Глуше, глуше сладостный мотив.

Относись с почтением к минутам,
умереть красиво — ерунда,
детский лепет: «Лучше с парашютом
прыгая, разбиться». Легче — да,
но не лучше, хвост держи трубою,
и молись за ближнего. Пастух
стада не бросает, Бог с тобою,
взор ли гаснет, изменяет слух.

Прислали спам: «Купите арбалеты»,
болел желудок — я жевал галеты
и вдруг подумал, почему бы нет?
План по призыву выполнил нечистый,
и сколь бы ни был ярок и речист ты,
а всё ж не помешает арбалет
в борьбе со злом. Опущено забрало,
сегодня нас и так довольно мало,
чтоб уповать на крепость ног и рук.
Личины зла кривы и безобразны,
сомкнём ряды, чтоб не могли соблазны
ослабленных включить в порочный круг.
Кто ты, скажи, ужель обычный спамер?
Я прочитал призыв — и тут же замер,
ужель пора пускаться в долгий путь?
Ужель пора забросить пустяковый
свой быт, в поход отправиться крестовый
и в самый ад без страха заглянуть?

Нас ни юмор, ни патетика,
полагаю, не спасут,
нет ли лишнего билетика —
поглазеть на Страшный суд?
Как на фреску Микеланджело,
к небу голову задрал,
красота какая, надо же!
Дёрнуть друга за рукав.
Друг живёт в промозглом городе,
где тоска сильнее всего,
не отмахивайся, Господи,
безразлично от него.
Много званных, мало избранных,
всё понятно, глас мой тих —
дай взглянуть хотя бы издали
на апостолов Твоих.

Скоро, скоро пожелтевшим кронам
трепетать покорно на ветру,
в этом смысле хорошо воронам,
так сказать, собратьям по перу.

Я, боюсь, не спрячу настроенья
вздорного, мне некуда, увы, —
есть перо, но нету оперенья,
вряд ли прыгнешь выше головы.

Что нас ждёт? Пора ли подготовку
начинать? Сменить дешёвый зонт
на другой, купить ещё ветровку.
Тучи застилают горизонт,

листья чуть подрагивают. Лица
прячут люди в сумерках домов.
Слишком занят, чтобы помолиться,
постоять без слов.

Клён, в закатном пламени горящий,
кажется глубоким стариком.
Страшно мне, что Бог не настоящий
и не может думать ни о ком.
Просто время мчится оголтело,
просто ливень безутешно льёт,
и душа, покинувшая тело,
ничего не ждёт.

Плоские придавлены дома
туч неповоротливой грядой:
дел, не доведённых до ума,
много, слишком много, боже мой!

Беспокойный, тягостный запас
встреч несостоявшихся, имён
полустертых. Силился не раз
перейти злосчастный Рубикон,

но судьба тянула за рукав,
возвращая к скуке и стыду,
никогда я, смелостью поправ
страх, его уже не перейду.

Отговорки: «Подожду, пока...» —
утешенье слабых, знаешь сам.
То, что ставка слишком высока,
не смешно ль талдычить небесам?

Коченеет Всадник Медный,
с клёнов облетает медь:
климат жуткий, воздух вредный,
в общем, не о чем жалеть,

уезжая в край неблизкий,
вдаль, за дымкой голубой —
в заальпийский, в элизийский,
да практически в любой.

Там случится всё, как надо,
и без северных красот.
От Таврического сада
вечным холодом несёт.

Метит в знаки зодиака
шпиль подобием штыка.
То сюртук торчит из мрака,
то шинель большевика.

Умиротворённым умирай,
умирай счастливым, на перине
белоснежной, глядя прямо в рай,
потому что ада нет в помине,
это пистолетик водяной
и годится только для острастки,
ни огня, ни корки ледяной —
древние бесхитростные сказки.
Не пугайся, вряд ли кто-то там
станет разбираться в подоплёке
дел земных. Все эти «аз воздам»
говорят ли что-нибудь о Боге?
Не смешно ль считать, что смертным Он
отомстит за грех: за око — око,
глаз — за глаз? Загробный талион?
Мелочно, бессмысленно, жестоко.

И берёза в золоте стояла,
и луна сияла меж ветвей...
Этого, мой друг, не так уж мало,
видит Бог, в слепом мельканье дней.
Никакой не выкупит меня
беспричинной радости моей.

Сохраню счастливый отпечаток
на душе: дыханье октября,
запах листьев нестерпимо сладок.
Затаиться, слов не говоря,
и читать, читать (полна загадок!)
эту жизнь, как строчки букваря.

Снилось: решились, летим, наконец, в Перу,
собраны вещи, жара, середина лета.
Повод серьёзный: когда-нибудь я умру,
я бы хотел перед смертью взглянуть на *это*.

Что за причуда? От инков простыл и след,
то же когда-нибудь точно случится с нами.
Главное помнить, что время имеет цвет
серого камня, укрытого меж хребтами.

Нет, никуда не деваются страх, тоска,
что ежедневно, как губки, в себя вбираем.
Впрочем, и Солнце не знает наверняка,
тысячу раз побывавшее там, за краем.

Собою быть душа приучена
хотя бы редких полчаса,
в маршрутке, едущей до Купчина,
на месте возле колеса.

В пыли деревья у обочины,
как скучный порыжевший том,
и ты сидишь, сосредоточенный
на недоступном и простом.

Из-под колес — густая каша,
на стёклах — грязная вода.
Но ближе счастье, так мне кажется,
не подступало никогда.

Никогда Одиссей не натянет лука,
а натянет — промажет, кишка тонка,
притупит столь длительная разлука
страсть ли нежную, навыки ли стрелка.
Ты напрасно мечешься, Пенелопа,
от моих поцелуев скрывая рот.
Потому что, родная, мы знаем оба:
уж теперь-то он точно не приплывет.
Соблазнила какая-нибудь сирена,
амазонка слащавая. Где? В Крыму,
на курорте. Давай-ка повеселее,
ну, позволь, я хотя бы приобниму.
Не смотри же так грозно, пойми, однако,
недотрога, старишься с каждым днём.
Да его уже здесь ни одна собака
не узнает. Точно. Забудь о нём.

Принц Гаутама, подолгу смотреть в окно
вредно, я думаю, лучше халат примерьте,
вот, из поэмы прочту вам: «давным-давно...» —
дальше не надо, там грустный пассаж о смерти.

Жизнь не затем нам дана, чтобы в ней тоска
повелевала. Не важно, что там за краем.
Вот, посмотрите, без дела лежит доска,
есть и фигуры. Давайте теперь сыграем.

Солнце садится, появится звёздный крап
соро на небе. Всегда темнота внезапна —
впрочем, не будем об этом. Покорный раб
вас покидает, чтоб вновь появиться завтра.

Или исчезнуть, судьбы проявив узор,
что до поры от бесстыдного прячут взгляда.
Как хорошо, что из в мире царящих зол
мне самому ничего выбирать не надо.

Поройся в памяти и извлеки оттуда
пустяк какой-нибудь, какое-нибудь чудо,
кусочек радуги, пятнистый зонт с дырой —
на новый день вот так себя настрой.

Он будет сух, как жаркий воздух Гоби,
и ты бы мог в страдании и злобе
сродниться с ним, но где-то в толще лет
есть милый сердцу всё ещё предмет.

Ни вечных мук, тем паче жизни вечной,
на 390-м до конечной,
потом до дома, смертная душа,
билет в ладони скомканный держа.

Да, ПТУшники не рыбаки,
не на что им уповать.
Сколько в глазах бесполезной тоски,
впору глаза закрывать.

Капли слетают с заржавленных крыш,
будто осколки стекла.
Будущность наглая кажет им шиш
из-за любого угла.

Безостановочно мелется чушь,
шум мелкотравчатый, гам.
Он ей размажет потёкшую тушь
по некрасивым щекам,

скажет два слова, с лобзаньями лезть
станет, в любви бестолков.
О, неужели вот это и есть
Твой драгоценный улов?

Все сомненья, все страхи, конечно, смешны,
что с младенчества в сердце растишь:
ты умрёшь, и такие привидятся сны,
что померкнут Милан и Париж.
Так, однажды душа, ускользнув из оков,
взбунтовавшись, что твой Вальсингам,
полетит от гранитных земных берегов
к совершенно иным берегам.
Где ложатся песчинки по слову Его,
словно цифры в сухую тетрадь.
И бесплотные тени вопрос «Для чего?»
никогда не решатся задать.

Дождь застучал, оживаю опять,
вижу деревья в окне.
То, что изменчиво, глупо менять,
прочее — глупо вдвойне.

Замысел выверен, точен, глубок,
так положись на того,
кто размотал этот странный клубок,
но не сказал — для чего.

Слышишь шуршание дождевика?
Влажной листвы болтовню?
В том, что прекрасная жизнь коротка,
я никого не виню.

Что живая вода в изобилие, так это ложь:
и на дне этом высохшем плоские камни лишь.
Волноваться не надо — ты мёртвую тоже пьёшь,
и, хмелея внезапно, по разным делам спешишь.

И живая, и мёртвая сладкие, словно мёд,
отличить невозможно — где эта вода, где та...
И с людьми точно так же — посмотришь, он как бы мёртв,
ан — приходит в контору, подписывает счета.

Но в любви, говорят, мертвецы — не чета живым,
огонёк не блуждает в бесстрастных зрачках стальных.
Полюбуйся со мною хоть облаком грозovým,
и останься навеки в объятиях ледяных.

В.К.

Тебе ли это незнакомо?
С тобой ли не было вот так?
Три дня не выхожу из дома,
в делах и мыслях — кавардак.
Друзья куда-то делись —
подводит память или связь —
а на устах печальный тезис
о том, что жизнь не удалась.

Но я калач довольно тёртый,
не брошусь в чёрную дыру:
когда настанет день четвёртый
знакомый номер наберу.
Узнаю: что-то происходит
с печальным другом без меня,
и он из дома не выходит
четыре дня.

«Вливайся!» Но никак не влиться,
рекламным бредням вопреки.
Похожие слова и лица —
стремительные ручейки.

Борись упорно, как Иаков,
в себе преображая тьму,
за то, что ты не одинаков,
не примыкаешь ни к кому.

И смерть да будет одинока!
Там сбудется, о чем речем.
Не торопись, дождись потока,
не замутнённого ничем.

Исключаю сладкое и мучное,
алкоголь и прочую ерунду.
Временами в небо смотрю ночное,
от него почти ничего не жду.

Только в этом «почти» есть и боль, и слабость.
Слишком трудной кажется ныне цель.
От чего отказался? Сладка ли сладость?
И хмелеешь ли, если в стакане хмель?

Это в пасмурном небе промчалась птица,
это ветер осенние рвёт листья.
Кто с последней надеждою разлучится,
тот и станет свободным. А ты? А ты?

Говорили: «Родится Спаситель,
посмотри, как пылает звезда».
Я был занят: сломался смеситель
совершенно некстати тогда.
«Посмотри, посмотри, — говорили, —
Он родился в овчарне пустой».
В этот день Интернет проводили
мне в квартиру по паре витой.
«Посмотри, Он явился народу,
скоро будет по слову Его».
Я в тот день ставил счётчик на воду
и не слышал почти ничего.
Оказалось, что Он не угоден,
что общественный строй раскачал.
В оный день я как раз был свободен
и со всеми «Варавва!» кричал.

Море по песку в потёмках шарит,
щупает шезлонги и зонты.
Будь счастливым, кто тебе мешает?
Впрочем, вряд ли преуспеешь ты.

Что скрывать, земли почти касались
облака, прошитые насквозь
светом звёзд. И многие пытались,
только никому не удалось.

Впрочем, есть еще воспоминанья,
их не так уж мало, видит Бог:
чувство, не имевшее названья,
заставало мальчика врасплох.

Сердце билось, крику чаек вторя,
я всё понял в тот далёкий год...
Ну, конечно, счастье — это море:
вот в пучину отступает горе,
чтобы возвратиться в свой черёд.

В старых книгах написано обо всём:
лишь откроешь — ответ готов.
Что своими стараньями привнесём
в это море без берегов?

Впрочем, вовсе бесплодна игра ума,
вхолостую шумящий гром...
Всё равно, с каждым днём нарастает тьма
и вокруг, и в тебе самом.

Нет надежды, не так ли? Взгляни, всё те ж
облака над травой густой.
Постоянством хотя бы себя утешь,
если прочее — звук пустой.

Веронике

Не ходи в Вифлеем, слишком долог, опасен путь,
может статься, окажется не на кого взглянуть,
лишь коровы да овцы — убогий и грязный хлев,
ни младенца, ни люльки... Обманка, разводка, блеф.

Не ходи в Вифлеем, не носи никаких даров,
опозоришься только меж грязных волов, коров,
только платье истреплешь парадное по пути,
не ходи в Вифлеем, говорю тебе, не ходи.

Если, правда, случилось, то вмиг разнесётся слух,
де, младенец родился, и видел звезду пастух,
и безумствовал Ирод, и трясся Иерусалим,
улыбался ребёнок, сияла звезда над ним.

Не ходи в Вифлеем, ты устал, ляг пораньше спать,
но вели домочадцам сегодня не закрывать
окна, двери, ворота, и свет не вели гасить,
чтобы весть, о которой молил ты, не пропустить...

Чем с тобой поделиться? Всё есть у тебя,
ты живёшь каждый день, не скорбя, а любя,
не засушливо, а полноводно,
ты владеешь вещами, каких я лишён,
при молитве мой голос твоим заглушён —
потому и молитва бесплодна.

Чем с тобой поделиться? Странаньем, бедой?
Расцветает земля под твоею пятой,
равнодушно хрустит под моею.
Я хотел бы, как ты, со звездой говорить,
я хотел бы, как ты, не скорбеть, а любить.
Я хотел бы, но вот — не умею.

Ты увидишь в руке моей жертвенный нож,
но, увы, и тогда ничего не поймёшь,
не глядевший глазами пустыми
на застывшее небо, рыдая, кляня.
Пусть хоть раз Он придёт посмотреть на меня,
пусть хоть раз назовёт моё имя.

Нет лучшего мира, а если и есть,
то, как ни старайся, туда не пролезть —
надёжно закрыты врата.
А если и их отворят невзначай,
то ты и туда умудришься печаль
свою пронести, как всегда.

А этот мирок, предназначенный нам,
того и гляди, разойдётся по швам,
растянутый злобой, алчбой.
И будет довольно немногого мне,
я в час роковой на одной стороне
хочу оказаться с тобой.

На небо осевшее смотришь сквозь пальцы,
колотится сердце в груди.
Неновая мысль — все вокруг постояльцы.
Ну что, постоял? Уходи.

Пусть кто-то дождю улыбается, грому,
и смотрит на звёздную нить.
Как славно когда-нибудь место другому
на этой Земле уступить.

Как славно глядеть в удивлённые лица
встающих в причудливый строй.
Я счастлив — с тобой непременно случится
всё то, что случилось со мной.

Заговорю, не боясь повториться, —
горько на звёзды смотреть,
будто бы сверху печальные лица
тех, кто успел умереть.
Милый мой друг, ну какие красоты?
Так, неприютность одна.
Кто там тебе улыбается? Что ты?
Лишь пустота, тишина.
Что тебе этот привет запоздалый
звёздный? Прости и забудь.
Тянется свет от Медведицы Малой —
долгий, бессмысленный путь.

Иметь в библиотеке надежит
немного книг, поскольку все прочесть
шанс невелик, поскольку жизнь бежит,
и кто сказал тебе, что время есть.

Вином не запасайся про запас,
не мешкая, наследников плоды,
не глупо ли, скажу в который раз,
о том гадать, что будет впереди.

Но только то записывай в тетрадь,
не оставляя снова «на потом»,
о чём с любовью будешь вспоминать
ещё на этом и уже на том.

Стоит ли нам огорчаться? Конечно, не стоит,
осень свои желтоватые скрипки настроит
с треснувшим лаком. Аллеи и парки пусты.
Скрипки расстроятся — осень настроит альты.

Слёз не роняя, природа прощается с нами,
солнце осеннее спряталось за облаками,
листья плывут по серебряной глади пруда —
счастье вернётся, мой друг (никогда, никогда),

всё повторяется (всё безвозвратно проходит),
это любовь говорит (это смерть верховодит),
это совсем ненадолго, на время, мой друг,
пауза краткая (перед разлукой разлук).

2008 — 2012

Содержание

«Кустов отряды, эшелоны...»	3
«Хорошо с утра, гремя костями...»	4
«Жизнь сужается до точки...»	5
«Как-то мне уже не верится...»	6
«Дедушка Саша летал и бомбил врага...»	7
«Поднадоевший чай в пакете...»	8
«Сказано: "будет", но я не знаю...»	9
«Помнишь здание ДК...»	10
«Разбирает бумажек груды...»	11
«Этот вечер угрюм...»	12
«В список заносишь, вычёркиваешь из списка...»	13
«Печаль тяжёлой пеленою...»	14
Бессонница	15
«Счастье вряд ли когда-нибудь стонущему бомжу...» ...	16
«Ни виртуоза-Рихтера, к примеру...»	17
«Калибан приникает к экрану...»	18
Гостья.....	19
«Почему природа так сурова?»	20
«Прислали спам: "Купите арбалеты" ...»	21
«Нас ни юмор, ни патетика...»	22
«Скоро, скоро пожелтевшим кронам...»	23
«Клён, в закатном пламени горящий...»	24
«Плоские придавлены дома...»	25
«Коченеет Всадник Медный...»	26

«Умиротворённым умирай...»	27
«И берёза в золоте стояла...»	28
«Снилось: решились, летим, наконец, в Перу...»	29
«Собою быть душа приучена...»	30
«Никогда Одиссей не натянет лука...»	31
«Принц Гаутама, подолгу смотреть в окно...»	32
«Поройся в памяти и извлеки оттуда...»	33
«Да, ПТУшники не рыбаки...»	34
«Все сомнения, все страхи, конечно, смешны...»	35
«Дождь застучал, оживаю опять...»	36
«Что живая вода в изобилье, так это ложь...»	37
«Тебе ли это незнакомо?»	38
«"Вливайся!" Но никак не влиться...»	39
«Исключаю сладкое и мучное...»	40
«Говорили: "Родится Спаситель..."»	41
«Море по песку в потёмках шарит...»	42
«В старых книгах написано обо всём...»	43
«Не ходи в Вифлеем, слишком долог, опасен путь...» ...	44
«Чем с тобой поделиться? Всё есть у тебя...»	45
«Нет лучшего мира, а если и есть...»	46
«На небо осевшее смотришь сквозь пальцы...»	47
«Заговорю, не боясь повториться...»	48
«Иметь в библиотеке надлежит...»	49
«Стоит ли нам огорчаться? Конечно, не стоит...»	50

Вадим Ямпольский

Взамен утраченного

Корректор *Л.Н. Образцова*

Оригинал-макет изготовлен ООО «ИПК «КОСТА»

Подписано в печать 25.01.12.

Формат 84×108^{1/2}. Гарнитура Baltica

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем 1,75 п. л. Тираж 400 экз.

Зак. №

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «БИОНТ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

ISBN 978-5-91252-215-8

